

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Восемь обезьян

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Александрова, Наталья.

А46 **Восемь обезьян : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с.**

ISBN 978-5-17-112651-3

Много веков загадка острова Атлантида будоражит умы ученых, исследователей и обычных людей во всем мире. Достигнув расцвета, высокоразвитая цивилизация бесследно исчезла в один день. Но существовала ли она на самом деле? Или это красивая легенда?

Детектив-любитель Надежда Лебедева до поры до времени была далека от этих споров, но все изменилось, когда она оказалась вовлечена в расследование странных и на первый взгляд нелепых краж.

В городе началась охота — и не за золотом и бриллиантами, а за дешевыми керамическими статуэтками. Кому они могли понадобиться и зачем? Это и предстояло выяснить госпоже Лебедевой, а заодно, возможно, ответить на вопрос: затерянный мир Атлантиды — это миф или реальность?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112651-3

© Н. Александрова, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

«Брать или не брать зонтик»? — задала себе Надежда извечный петербургский вопрос. Собственно, жители нашего города такие вопросы себе давно уже не задают. Дамы носят зонтики в сумочке постоянно, а мужчины обзавелись куртками с капюшоном или же, чертыхаясь и подняв воротник, бегут до машины, прыгая через лужи.

Потому что дождь в Петербурге идет постоянно. Осенью он мелкий, нудный и может продолжаться несколько суток, зимой к дождю прибавляются мокрый снег и ветер, который кидает все это безобразие в лица отважившимся выйти на улицу гражданам, и они, проклиная погоду и Петра Первого, который не придумал ничего лучше, чем построить город на болоте, бредут, топая по грязи, да еще и каждая машина норовит окатить водой из лужи.

Весной дождям первое время рады, поскольку они смывают прошлогодний снег и песок. Однако и весной дождей слишком много. Летом же дожди идут сильные, иногда с грозами, но все равно затяжные. И небо у нас в Петербурге в основном окрашено в два цвета — темно-серый и светло-серый.

В общем, в любое время года зонтик должен лежать в сумочке, как косметичка и кошелек.

Надежда Николаевна Лебедева родилась и всю жизнь прожила в Петербурге, так что про погоду все знала. Однако сегодня в прихожей у двери ее ждали два огромных пакета с одеждой, которую нужно отнести в химчистку. И очень не хотелось тащить с собой лишнюю тяжесть, и так рук не хватает.

— Бейсик, дождь идет или нет?! — крикнула она на кухню коту, который сидел на подоконнике и смотрел на птичек.

Соседка снизу повесила у своего окна кормушку, и теперь синички и воробьи хлопотливо сновали мимо. Кот поначалу нервничал, а потом привык, расслабился и наблюдал с удовольствием. На Надеждин вопрос кот никак не отреагировал, даже ухом не повел. Она вздохнула. Не хотелось идти на кухню в сапогах, только пол протерла.

«Пойду так, — решила Надежда, — не сахарная, не растаю. Все равно обе руки заняты, зонтик нечем держать...»

Она сняла с вешалки куртку с капюшоном, сунула в карман кошелек и перчатки и осторожно приоткрыла входную дверь. Опытные котовладельцы знают, что коты — хитрые и своенравные животные, к тому же умеют мгновенно возникать там, где их совершенно не ждут, и особенно любят удирать из квартиры на лестничную площадку. А там уж как повезет. Вполне возможно, что именно в это время дверь на лестницу тоже будет открыта — сосед вышел к мусоропроводу или коляску с младенцем выкатили, — тогда можно вдо-

воль побегать по этажам, игнорируя жалостные причитания хозяйки. А потом еще и вкусенького получить в качестве приманки и моральной компенсации.

Надежда была женщина осторожная, так что оглянулась назад. Кот, разумеется, был уже в прихожей. Надежда погрозила ему кулаком и проскользнула в дверь.

Внизу, перехватив поудобнее пакеты, она собралась уже выходить на улицу, как дверь подъезда широко распахнулась и впустила соседку Антонину Васильевну. Надежда едва успела стереть с лица выражение досады.

Антонина Васильевна была по-своему женщиной замечательной. Имея весьма плотную комплекцию и много свободного времени, она от дома далеко не отходила. Летом сидела на балконе, наблюдая за двором, зимой же отиралась возле подъезда.

Таким образом она была полностью в курсе всех передвижений жильцов и их гостей.

Нельзя сказать, что жильцы были этим очень довольны, потому что некоторые гости приходили к ним не то чтобы тайно, но не афишируя свое присутствие. Антонина же Васильевна не ставила перед собой цели непременно сообщить, допустим, мужу, кто приходит к его жене днем, когда он прилежно трудится у себя в офисе, однако и не старалась сделать из этого тайну.

Но, несмотря на недовольство некоторых жильцов, Антонину в доме уважали, поскольку она сумела предотвратить пару-тройку квартирных краж и спугнула грабителя, намере-

вавшегося отнять деньги у двух шестиклассниц. Девчонки, правда, были боевые и сами бы управились, но Антонина со своими габаритами на долго отбила у мерзавца охоту добывать деньги таким способом.

К Антонине Васильевне прислушивались даже в ближайшем отделении полиции, а уж местный участковый относился с большим уважением.

К Надежде у Антонины Васильевны претензий не было, общались они вполне по-дружески, однако соседка была многословной, так что Надежда всегда старалась сбежать, не вступая в беседу.

— Здравсте, Антонина Васильевна! — гаркнула она, намереваясь проскользнуть мимо. Однако обойти габаритную соседку было трудновато, да еще маневренность Надежды затрудняли пакеты. Так что пришлось остановиться.

— Здравствуй, Надя, — сказала Антонина, — а ты куда это, в магазин, что ли?

Надежда мысленно вытаращила глаза — Антонина известна была в доме острой наблюдательностью, могла с первого взгляда определить, куда человек направляется — в магазин или на работу. Если в магазин, то за продуктами или в хозяйственный, и что надо купить в первую очередь. А тут, увидев Надежду, говорит, что она идет в магазин, когда даже самый рассеянный мужчина и тот поймет, что с такими пакетами можно идти только в химчистку. Или в благотворительную организацию.

— Да нет, в химчистку, — сказала Надежда, — куртки летние почистить да убрать, а костюм Сашин срочно нужен через три дня, у него пере-

говоры важные. А что это у вас пальто мокрое, дождик на улице?

— Да, заканчивается уже, сейчас пройдет, ты подожди, чтобы вещи не мочить, — сказала Антонина.

Насчет погоды соседка никогда не ошибалась, в отличие от тех, кто озвучивает прогноз по телевизору, так что Надежда решила прислушаться к ее совету.

— А что это вы, Антонина Васильевна, вроде как расстроены? — поинтересовалась Надежда, видя, что Антонина тяжело вздохнула. — Как себя чувствуете, здоровы ли?

— Да какое в моем возрасте здоровье, — отмахнулась Антонина, хотя, по наблюдению Надежды, тетка была хоть и пожилая, но бодрая, — только вот странное что-то...

Надежда посмотрела в стеклянную дверь подъезда. Дождь и правда помаленьку прекращался, так что она поставила свои пакеты на пол и приготовилась слушать.

— Приходила тут ко мне вчера племянница, Люська, — начала Антонина, — ты ведь ее знаешь?

— Видела пару раз, — сказала Надежда, вспомнив племянницу.

Так, ничего особенного, глазки светленькие, носик пуговкой, фигура кубышечкой. Неказистая, в общем, бабенка. Но все же родная кровь.

— Приходила на смотрины, жениха своего показывала, — продолжала Антонина.

— Да что вы? — Надежда проявила сдержанный интерес. — Замуж, значит, выходит?

— Говорит, что да. Нашла, стало быть, свое счастье... — Антонина вздохнула.

— Ну и как вам жених? Понравился?

— Да как тебе сказать... Не то чтобы понравился, так ведь и Люське-то особо ловить нечего. Лет ей тридцать восемь, ни рожи ни кожи, ума тоже немного, так что выбирать не приходится. Так вроде мужик как мужик, мне цветы принес, торт, пьет в меру, к Люське по-хорошему. А дальше-то жизнь покажет... Я ей так и сказала — решай сама. Да она уже все решила, от счастья светится прямо. И то сказать, надежду уже потеряла, а тут вдруг какой-нито мужик подвернулся. Ну, она ко мне вроде как за благословением явилась. Ты, говорит, тетя Тоша — с детства меня так зовет, — ты, говорит, единственная моя родная душа, так уж скажи доброе слово, напутствие, значит, чтобы все как положено.

— А у нее вроде бы еще какие-то родственники есть? Она вам двоюродная...

— Ой, там такое дело вышло! — Антонина прыснула, как девчонка. — У брата моего дом в Петергофе. Ну, участок большой, дом они новый недавно отстроили, все хорошо, честь по чести. И была у них собака, овчарка немецкая, но в прошлом году помер пес от старости. И решили больше они с женой собак не заводить — внуки маленькие приезжают, опять же хлопоты. А тут звонят им из приюта собачьего и предлагают собачку посмотреть. Соседи, что ли, навели, или так просто, наугад позвонили. Ну, брат, конечно, отказался — раз решили, так решили, и жена его против. А тут сын приезжает, уговорил их — поедем да посмо-

трим, за показ, мол, денег не берут, и силой нас никто не заставит.

Надежда осторожно скосила глаза на улицу — дождь еще капал, но явно шел на спад.

— Ну, поехали они всей семьей. Как увидели собаку эту — так просто влюбились в нее. Как говорится, с первого взгляда. И то сказать, красивая собака. Лабрадор черный, только она не породистая, что-то там уши не так расположены да в холке меньше нормы... В общем, им-то какая разница, им на выставки не ходить. Ласковая такая собачка, привязчивая, три года всего, с детьми сразу подружилась. Жена брата как увидела ее — берем, говорит, как же ее оставить такую славную. Ну и взяли, значит, выписали им документы, все как полагается, зовут собаку Люсинда. Живут теперь — не нахвалятся, и сторож из Люсинды хороший, и опять же умница, все понимает. Чистоплотная, вежливая, ласковая, не собака, а клад. Брат мне жаловался даже, что жена ее больше, чем его, любит.

«Как я его понимаю», — мысленно вздохнула Надежда, вспомнив, как трясется ее муж над своим обожаемым котом. Да что там, иногда она думала, что и женился-то на ней Сан Саныч исключительно из-за кота. Правда, такие мысли пощещали Надежду редко.

— В общем, все было хорошо, а тут у брата день рождения случился, и приглашают они всех родственников, отпраздновать, заодно и дом новый посмотреть.

— Помню, весной вы ездили... — вставила Надежда.

Об этом знали все соседи, поскольку некоторые забеспокоились, не видя Антонину Васильевну у подъезда. Не заболела ли, мол, или еще что похуже...

— Да. Ну, показывают нам дом, опять же собака тут крутится, на своих она не лает, команды понимает. Ластится ко всем, ну все, конечно: Люсенька, Люсенька... А Люська, племянница-то, отзывается. Ну, посмеялись мы все, потом за стол сели, видим — Люська на родню затаила обиду. Сидит, губы поджала, не ест ничего. Брат потом ее в сторонку отвел, Люся, говорит, ты не подумай, что мы нарочно собаку твоим именем назвали, так уж вышло, нам такую в приюте нашли, у нее имя уже было. Ее Люсинда зовут, а ты — Людмила, так что не обижайся уж... А Люська все равно в претензии — вы, говорит, меня не уважаете, в грош не ставите, вот теперь, говорит, я все про вас окончательно поняла. Одно слово — дура. Брат так и сказал — не глупи, мол, не хватало еще нам из-за собаки поссориться. А жена его тут масла в огонь подлила — мол, собака мне родная, член семьи, а ты — племянница двоюродная, седьмая вода на киселе, без тебя как-нибудь обойдемся.

— Круто.

— Ага, может, конечно, и резко сказала, но Люська сама виновата, весь праздник ей испортила. В общем, едем мы в город, Люська и говорит, что с родней этой она больше и двух слов не скажет, что теперь из всех родственников одна я у нее осталась. Мать-то ее давно умерла, отца она и вовсе не знала. Ну, я не стала ей выговаривать в надежде, что одумается она со временем.

Люська вообще - то заполошная такая, бестолковая, но незлопамятная. Помиряются, думаю, через какое-то время. Да вот только уж полгода прошло, а Люська про них даже и не заговаривает. Ну, мне что за дело, сами взрослые люди. И вот звонит она, значит, и просится в гости — жениха показать...

Надежда в тоске взглянула на улицу. Дождь почти перестал, пора ей идти, а Антонина все никак не остановится.

Тут она заметила, что на лице соседки проступило совершенно для нее нехарактерное выражение рассеянности.

— Про что я сказать-то хотела... — пробормотала она, и тут Надежда всерьез забеспокоилась, такой Антонину Васильевну она никогда не видела. Хоть и крепкая тетка, а все когда-то случается в первый раз, может, у нее какие-то мозговые явления?

— Может, вас домой проводить?.. — неуверенно заговорила она.

— Да уж и так иду, — вздохнула Антонина, — ты не смотри на меня так, голова у меня не болит, все нормально, а просто вот как-то... В общем, слушай.

Надежда, уж взявшаяся было за свои пакеты, снова поставила их на пол.

— Значит, была у меня обезьянка керамическая, на полочке стояла... Ну, ты помнишь, Люська же и подарила на позапрошлый Новый год. Тогда как раз год Обезьяны был.

— Ах да... — Хоть и редко, но бывала Надежда у соседки и вспомнила жуткую керамическую обезьяну, которая стояла на видном месте.

Новогодний пустяковый сувенир, которые раскупаются в ужасающем количестве перед праздниками, а потом их выбрасывают — как купленные, так и нераскупленные.

Эта обезьяна, надо сказать, отличалась тем, что была ужасно похожа на Антонину Васильевну. Она сидела в кресле и читала газету. Сидела в той же позе, как любила сидеть Антонина, у нее были такие же очки и даже точно такой же передник в крупную клетку. Антонина была женщиной с юмором, так что приняла подарок хорошо. Так и стояла у нее эта керамическая обезьяна весь позапрошлый год и прошлый, когда полагалось уже держать на полочке не обезьяну, а лошадь. И петухом обезьяну не заменили.

— Ну что с обезьяной, разбили, что ли? — нетерпеливо спросила Надежда.

— Да в том-то и дело, что нет! Пропала она!

— Пропала? — удивилась Надежда. — Да кому она нужна-то?

— Вот и я думаю — кому это барахло понадобилось? — подхватила Антонина. — Но, понимаешь, вот я точно помню, что до прихода Люськи с женихом она была. Я пыль как раз с полки вытирала. А утром сегодня хватилась — нет ее!

— Упала, разбилась... — Надежде уже начало все это надоедать.

— Да искала я! Комод даже отодвинула, никаких следов! Как сквозь землю провалилась!

— Ну, может, этот жених — тот еще увалень, разбил ее, а осколки спрятал, чтобы вы не рассердились и племянницу не отговорили за него замуж идти!

— Знаю, Надя, что ты думаешь. Выжила, мол, старуха из ума, нашла о чем беспокоиться. Но на мужчину этого, Витю, я думать никак не могу, потому что он в комнате один не оставался. Ты что, считаешь — я буду доверять человеку, которого впервые вижу, только потому, что он на моей двоюродной племяннице задумал жениться? Люська — дурочка, сама выболтала, что знакомы они с этим Витей недолго. Да она и год с человеком проживет — все равно о нем ничего не узнает! Так что на всякий случай я его одного не оставляла, Люську на кухню гоняла.

— Здраво рассуждаете...

— Вот! И как увидела я, что обезьяна-то пропала, так и думаю — может, у меня провалы в памяти начались?

— Да ладно вам... — отмахнулась Надежда, — с чего это вдруг сразу провалы...

— А куда она делась тогда?! — запальчиво закричала Антонина Васильевна.

— Ну не знаю... слушайте, а вы позвоните племяннице да и спросите по-свойски, мол, так и так, не видала ли она обезьяну, не роняла ли, не разбивала ли?.. Может, все и разъяснится...

— Что ты, что ты, Надя, как я могу! Люська, она обидчивая очень, еще подумает, что я на ее жениха бочку качу! И так она со всей родней перессорилась из-за собаки, а теперь еще со мной из-за обезьяны отношения прекратить может. Да не стоит это барахло ничего, давно надо было выбросить!

Антонина пренебрежительно махнула рукой и устремилась к лифту, который как раз открылся